

Преступления киевского режима против женщин и детей

Москва, 2025 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М.С. Григорьев) создан в 2022 году в ходе международной конференции по инициативе правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 35 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.). Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, представление этой информации на национальных и международных площадках, а также передача в правоохранительные органы разных стран мира. К числу отличительных принципов работы Международного общественного трибунала относится полная прозрачность и 100% верифицируемость фиксируемых им фактов – опрошенные пострадавшие и очевидцы преступлений не скрывают своих личностей, мест и дат событий, а любые желающие могут вновь их опросить.

Представленные в данном докладе свидетельские показания являются показательной выборкой от общего количества нескольких сотен украинских военных преступлений против женщин и детей, зафиксированных Международным общественным трибуналом, и в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах женщин и детей из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летальных аппаратов – как с использованием дронов-«камикадзе», так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов. По пытавшимся бежать от Вооруженных сил Украины женщинам и детям в Курской области киевский режим также намеренно наносил удары с помощью дронов.

На подконтрольной ранее Украине территории Донбасса изнасилования женщин украинскими военными были постоянной практикой, начиная с 2014 года. Они также имели место в Курской области. В городе Селидово при отходе украинские военные расстреливали мирных жителей, большинство из которых были женщины престарелого возраста, прямо на улицах, а также в частных и многоквартирных домах. Согласно многочисленным показаниям очевидцев, в Мариуполе украинские снайперы намеренно расстреливали детей младшего возраста. Другим стандартным методом киевского режима являлось нанесение ударов и обстрелы детских садов и больниц, а также массовое неизбирательное минирование с помощью кассетных боеприпасов мирных населенных пунктов Донецкой и Луганской Народных республик.

Приведенные ниже и другие зафиксированные Международным общественным трибуналом массовые преступления Украины против женщин и детей также являются грубыми и прямыми нарушениями Женевских конвенций, а также Резолюции № 1325 (2000) Совета Безопасности ООН (принята 31 октября 2000 года), которая призывает все стороны в вооруженных конфликтах в полной мере соблюдать международно-правовые нормы, применимые к правам и защите женщин и девочек.

Данная Резолюция СБ ООН особо отмечает, что «все государства несут ответственность за то, чтобы положить конец беззаконию и осуществлять судебное преследование лиц, виновных в геноциде, преступлениях против человечества и военных преступлениях, включая преступления, касающиеся сексуального и других форм насилия в отношении женщин и девочек», и в этой связи подчеркивает необходимость обеспечения того, чтобы, когда это возможно, на эти преступления не распространялось действие положений об амнистии.

1

Артем Александрович Кузнецов,
пострадавший от преступлений киевского режима
в городе Суджа (Курская область)

«Мы с женой выезжали на двух машинах. При выезде на обочине – украинские солдаты. Один начал стрелять из автомата. Мне в салон залетела пуля, я поворачиваю голову – и украинский солдат на меня смотрит. Он на меня смотрит, я на него. Он в очках был, в балаклаве, каска синяя, изолента. Я увидел автомат. Мы с ним перекинулись взглядом – и он прострелил мне кепку. Он целился в меня, сознательно. Еще несколько пуль машину прошили, но я проскочил – мне повезло.

А моя беременная жена ехала сзади, метров семьдесят от меня. Теща с заднего сиденья – у нее ребенок, Матвей, на руках был – кричит: «Нина, Нина, Матвея ранили».

А Нина уже была без сознания, врезалась в мою машину. Сыну Матвею год и девять месяцев. У него ранения серьезные:

осколочное от металла в спинке, одно глубокое в плечо и внизу до почки чуть-чуть не хватило. Теща ранена была.

Я думаю, что это просто нацизм, геноцид. В голове ничего не укладывается. Я вам честно скажу: я увидел того, кто пришел убивать; неважно, мирный ты, не мирный, женщина – без разницы украинцам. Они зашли просто истреблять русский народ, просто людей убивать».

2

Диана Цемеда,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

На фото: председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов Максим Григорьев и получившая ранение в городе Мариуполь Диана Цемеда.

«Мы шли с моим молодым человеком и ребенком домой, переходили дорогу. У нас по улице Карпинского там прятались украинские “Азовцы”, и они без предупреждения просто выстрелили, попали, слава Богу, в меня, не в ребенка. Стреляли из автомата, очередь было. Пулевое ранение, перелом тазобедренных суставов».

3

Светлана Владимировна Сурма,
очевидец преступлений киевского режима в
городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«У нас сидел снайпер “Азова” в доме недалеко. Переулок Короленко, улица Гугеля. Возле нас завод “Азовсталь”. Снайпер отстреливал малолетних детей. То есть, когда семьи покидали дома, то он в первую очередь убивал детей 3–5 лет. Потом убивал родителей.

Вот идешь и перед тобой видишь, как тела падают. Тут видишь, как ребенок... могли только оттащить мертвое тело, чтобы идти как-то дальше по дороге.

Мы к мужу на другой район бежали и это все наблюдали. Солдат российских и ДНР еще не было. Стояли только украинские подразделения “Азов”. Когда из домов и с чердака они спускались, я видела у них снайперские винтовки».

4

Богдан Викторович Белобров,
свидетель преступлений киевского режима
в городе Суджа (Курская область)

«ВСУ изнасиловали бабушку на Заолешенке. У другого дедушки приехали прямо так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем. Ну, дедушка старенький, что мог им ответить?»

Прямо из дома еще от одного отца забрали дочку. Ну, вы сами понимаете, что с ней сделали.

Хохлы убивали и старых дедов, бабушек просто за то, что появились не в том месте или не в то время, что можно было».

5

Александр Путилов,
очевидец преступлений киевского режима в
городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«Украинцы убили девочку, что жила в подвале. Мы готовили возле подвала. Мангалы поставили, жарили, парили, что у кого есть. На велосипеде просто ехала и упала. Все, дырка в голове. Вот это ж тренировался снайпер “Азова”, просто сидит и тренируется в квартире. Просто сидит, ему интересно, попадет он или нет. Вот что она ему сделала? Ей лет, может, четырнадцать было... тринадцать. На велике ехала. России тут еще не было. “Азов”. Именно “Азов”. За водой ходили люди, и сколько раз стреляли специально по толпе».

6

Марина Васильевна Томская,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Краматорск

«Первый раз меня арестовали сотрудники СБУ, это было 2 часа ночи, в ночь с 18 на 19 января 2015 года. В доме была я, племянник несовершеннолетний, дочь несовершеннолетняя и сын.

Отвезли в подвал СБУ в Краматорске и когда узнали, что я по национальности русская, оказали прием... Пристегнули меня к канализационной трубе, в подвале СБУ, пришел мужчина в маске, он выразился на меня – “москалька”. С западенским акцентом. Нанес удар. Потом начали бить током. У них был какой-то ящик большой. К пальцам – к указательному и безымянному – присоединяли два провода и тумблер такой включали, ставили на мокрую тряпку. Так, что у меня под коленками лопались вены. И насильовали. Говорили, что сейчас привезут мою дочку несовершеннолетнюю и будут с ней

развлекаться, как с женщиной. Я за первые сутки поседела. Очень больно вспоминать, кошмары снятся уже сколько лет.

Эти украинцы, которые дают указания на уничтожение людей мирных, на уничтожение инфраструктуры, это не люди. Просто узнали, что я русская по национальности, и ко мне вот такое отношение».

7

Владимир Иванович Марушин,
пострадавший от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«У Галы Покореевой, у родственницы моей, сын жил на районе Ильича.

Он ехал к ней с женой на велосипедах, потому что уже все было разбито. На велосипедах ехали узнать, мама жива, не жива. Ехали к ней. И по дороге украинский снайпер обоим прострелил ноги.

На велосипеде ниже колена в икры жене, ну и Саше. Обоим прострелил. Хорошо, что мама медицинский работник, она их там лечит, еще и до сих пор лечит, вот, выхаживает.

Пули прошли навывлет. Вроде бы как поигрались, едут двое на велосипедах.

Украинские снайперы так, наверно: “ А давай пальнем... А давай... Ты в икру попадешь... Да, попаду” – наверно, так?! Просто ехали люди на спортивных велосипедах, один на белом, другой на голубеньком. Взяли и прострелили им ноги».

8

Владимир Васильевич Романенко (68 лет),
пострадавший от преступлений киевского режима
в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Прямо на этом месте мою семью украинцы расстреляли, а потом спалили их тела. Полностью сожгли. В руках у меня заколка моей невестки – Олечки маленькой, невестки заколка. Она вот здесь стояла. В 7 часов утра я вышел, был в огороде. Я вышел туда и слышу крик: «Всем выйти с дома». Кричал человек, ВСУшник, в украинском камуфляже с зелёной полосой. Где-то лет под 50 ему было, невысокого роста. Когда моих вывели с дома и поставили лицом к стенке, он кричал на всю улицу. Их было двое. Один стоял чуть-чуть подальше, а второй стал так, что мне было очень хорошо видно.

Со стороны гаража поставили мою жену, потом внук, сын, не помню точно. Потом невестка и сваха – мама невестки. Невестка начала плакать, говорить: «Что вы делаете?» А он просто начал стрелять. Первой мою жену застрелил. Потом

пошел дальше стрелять. Я через огороды, по огороду убежал. Потом, когда 28-го я пришел, то смотрю, тела лежат под стеной, где их стреляли. Тела были сожжены.

На другой день я пошел, пакеты нашел, собрал останки. Где горело, накрыл останки. Все, что было, собрал в пять пакетов и захоронил здесь у себя под подъездом. Захоронили пять человек, пять пакетов, которые остались – моя семья. 51, 55, 78, 74 и 91 годы рождения».

9

Надежда Михайловна Шведова (64 года),
свидетель преступлений киевского режима
в городе Дзержинск/Торецк (Донецкая Народная Республика)

«Украинцы расстреливали людей по окраинам города нашего. Очень много людей исчезало. К нам на улицу пришла женщина жить, молодая, 50 лет ей было, медик. И вот она пошла куда-то там до знакомого своего, у него была мама лежащая. Она туда ушла, а когда уже пришла к этому Серёже, обнаружили, что мать была застрелена в лоб. Мать убитая была.

Сами жители говорили, что украинцы очень много людей порасстреляли. Медик эта помогала ей. Женщине этой 85 лет было. И когда пришли к ним в дом, она лежала на пороге, застрелена. Это место так называемая наша Забалка. Мужики рассказали, что это украинские “Азовцы” пришли к нам. Они говорили, что “Азовцы” много стреляли просто по убегающим. Убивали, и всё. ВСУ многих, очень, очень много людей расстреляли. И Олега расстреляли с женой прямо во дворе. И соседей там, у нас старик со старушкой жили, тоже расстреляли. Так тьма тьмущая людей украинцы порасстреляли».

10

Зоя Ананьева,
свидетель преступлений киевского режима
в деревне Куриловка (Курская область)

«Мальчишки, маленькие, 10-12 лет, пытались выехать, украинцы их расстреляли.

Они расстреливают все машины гражданские. Это же звери. Они стреляют без разбора...

Очень много было зарезанных людей, горло перерезанное. Были такие случаи, когда украинцы остановили машину, которая бабушек стареньких везла. Мужа и жену украинцы сразу расстреляли. А у бабушек забрали деньги, документы, телефоны и выпустили в чистое поле. А там бабушки еле ходячие...

На Гончаровке они заходили, открывают подвал, не смотрят, есть люди или нет. Они гранату туда бросают. И все. Я нашим военными сказала, отомстите, пожалуйста, за нашу судьбу и за этих детей, которых украинцы убили».

11

Елена Валентиновна Галева,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Суджа (Курская область)

«Мы выезжали из села Коренево в субботу, 10-го августа. Мы поехали на машине. Заодно хотели набрать воды, взять хлеба, потому что у нас на улице остались одни старики.

У нас обыкновенная маленькая синенькая машина «Ока». Когда заехали на мост, непонятно откуда резко жужжание и взрывы.

Единственное, что я только успела крикнуть ребенку и папе, чтобы они легли на пол.

Девочке 20 лет, только исполнилось 2 мая. Она погибла. Погиб папа, муж мой и дочь погибли.

Вокруг машины взрывалось. Это неопишимо, это страшно. Это очень страшно, когда ты не можешь понять, откуда, с какой стороны.

По мне удар, и у меня все потемнело, как на волнах уплыла.

А когда пришла в себя – муж уже был мертвый, лежал. Ребенка выкинуло. Было такое ощущение, что она еще была жива.

Я ее пыталась вытащить. Я пыталась встать, но у меня не хватило сил. Я начала кричать, звать на помощь.

У меня черепно-мозговая травма, перелом ключицы и лопатки. Вытаскивали у меня из плеч осколки. Без понятия, почему украинцы так поступают».

12

Светлана Михайловна Ильина,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в селе Черкасское Поречное (Курская область)

«Мою маму, лежащую в своем доме, первый обнаружил Штаненко Александр Николаевич. У неё были пулевые ранения.

Она была в комнате, которая у нас называлась «зал», потому что это общее такое помещение было, где диван, кресла у нас стояли.

В этой комнате у нас висели на стене портрет моего брата в форме полиции, он служил в полиции, и портрет моего племянника в форме ВДВ, он служил в армии. Эти два портрета у нее находились в этой комнате.

И в этой комнате была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские солдаты зашли в село Черкасское Поречное. Ей было 72 года.

Она не представляла никакую для них угрозу. Я вообще не понимаю, зачем нужно было её украинцам убивать».

13

Светлана Владимировна Савченко,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«На моих глазах бабушка собирала небольшие щепки для костра. Это в Мариуполе по улице Строителей. Мы знали, где украинские снайперы.

Бабушка под аркой дома собирала щепки, лежало много побитых деревьев, рамы лежали. И украинский снайпер застрелил эту бабушку.

В другой раз, 19 марта 2022 года, днем, на улице Строителей, 88 грела воду. У нас были дрова и небольшие кирпичи в виде «костерка», чтобы нагреть воду.

Я оглянулась, и в конце дома я увидела украинского военного в форме «Азова». Он с оружием поворачивался медленно в мою сторону.

И потом я поняла, что он выстрелит. И он выстрелил из подствольника в меня. У меня была доля секунды, я прыгнула в сторону дома. И все равно в меня попал осколок.

Было очень больно, но я нашла в себе силы заскочить в подъезд. Там уже вышел мой муж. Я начала кашлять черной кровью

Потом зашел друг мужа, они отнесли меня на одеяле в больницу. Когда они меня несли, по нам была еще одна украинская автоматная очередь».

14

Николай Николаевич Гриненко,
пострадавший от преступлений киевского режима
в деревне Куриловка (Курская область)

«В августе зашли на Суджу украинские танки. А потом шли их солдаты зачищать деревню. Начали издеваться. Светлану ВСУшники изнасиловали. Она с города шла, через Куриловку. Миша, мой брат двоюродный, ее в дом к себе принял. А поблизости уже были украинцы, перекрыли дорогу на улицу. Куда уж пойдешь? И когда она водичку носила, ее украинцы и изнасиловали, и избили. Рассудок у нее потом пострадал от этого. Возле колонки, там водичку набирали, ручная колонка, женщину застрелили, она набирала воду, ее застрелили. Я прохожу мимо, она лежит, все, мертвая. Прямо в голову стреляли. Я был, я хоронил. Люба. Она жила, соседка моя, там, где мой родительский дом, Куриловка. Она пенсионерка. Она пришла на велосипеде за водичкой с баклажками. Ее застрелили прямо в голову. Мы хотели ее перенести, а

ВСУшники рядом были. И мы не могли. Я подошел к одному там, у него глаза какие-то стеклянные. Неадекватные. Сказали “нельзя”.

Потом я проезжал, у меня дом недалеко был. Смотрю, нету моего соседа наверху. Смотрю, он в кустах лежит, тоже в голову убит. Коля Кузнецов. Куриловка, 23-й и 25-й дом, там перекресток. И мы не могли его вывезти. А через дорогу покрывало нашли с одним парнем. Его через дорогу в огороде захоронили. Потом мать Коли Кузнецова. Тоже в нее стреляли, у нее пулевые ранения. У украинских солдат были позиции наверху. Они, видимо, когда зашли туда, их и убили. И мать, и сына убили. Мы ее тоже в огороде похоронили, бугорок сделали».

15

Антон Александрович Байтраков,
военнопленный, военнослужащий 36-й бригады
морской пехоты вооруженных сил Украины

«Нам привели женщину, как оказалось, она бывшая заключенная сбежавшая из колонии. Инна ее звали, около 40 лет. Мы ее поместили в камеру хранения оружия. Потом я открыл дверь и говорю: “Пошли в другое место!” А она говорит: “Нет, не пойду никуда, хоть стреляй в меня”. Я спросил еще раз: “Пошли в другое место, переведу”. Она: “Нет, не пойду, хоть стреляй в меня”. И я в третий раз спрашиваю: “Пошли в другое место, переведу тебя”. Она говорит: “Нет, не пойду. Хочешь, стреляй в меня”. Ну, я снял с предохранителя и произвел выстрел в височную часть ее головы».

16 **Николай Васильевич Глуханич (65 лет),**
пострадавший от преступлений киевского режима
в городе Курахово (Донецкая Народная Республика)

«На моих глазах от украинского дрона пострадала семья Тереховых. Они пошли за водой или за дровами, сын сначала пошел, часов в девять утра.

Мне кажется, он за водой ходил, тогда был морозец, это 15 декабря было. Мы в водосливе набирали воду, ближе было и безопаснее. А он, наверное, пошел на базу, там были запасы бутилированной воды. И потом мать ходит, его нету и нету, нету и нету, пойду искать.

Я на четвертом этаже живу, слышу потом, кричит: «Люди, помогите». И она ползет там на этой аллейке. Ползет, перекачивается. Мы нашли покрывало, вытащили ее, потом смотрим, и Сергей, это сын ее, ползет. У нее было ранение в поясницу и, по-моему, в правую ногу. Открытый перелом страшный. Да, страшный, кость выскочила.

Мать пошла искать его часа через два. И тоже пострадала. Они ползли, перекачивались, то есть где-то полкилометра они вот так добирались. Мы их протянули там 100-150 метров, то есть совсем немного. На переломах мы наложили шины».

17 **Ирина Анатольевна Стрельник,**
пострадавшая от киевского режима
в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Улица Карла Маркса, дом 29, квартира 20. Это был адрес Марии Ивановны Семеновой.

А нашли ее на втором этаже. Мы видели ее последний раз 23 октября 2024 года.

Она зашла в подъезд, шла с магазина, с сумочкой, и за ней зашло пятеро украинских военных. Больше соседи её не видали.

Нам потом открыли квартиру. Она лежала головой к дверям. Её, видно, протащили по коридору, след крови был на голове, на волосах и на лице, и укрыта одеялом.

Сын потом опознал маму. Что он увидел, это ужас один. Он говорил, что, так думаю, скорее всего над мамой издевались.

Украинские военные застрелили ее в голову, потому что кровь была на лице, на голове, волосы видно было, лица часть

видно.

Я думаю, что украинские военные убивали мирных жителей от злости, что мы тут остались. Как они нас называли – “ждуны”».

18 **Наталья Николаевна Андреевская (69 лет),**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Курахово (Донецкая Народная Республика)

«В конце декабря 2024 года мы с соседкой решили посмотреть, жива ли наша подруга, у неё сгорела квартира. И мы пошли посмотреть по светлому дню, и ничего не предвещало беды. И на Южном, мы шли от 10-го дома, а украинские военные с 7-го дома, стреляли. Мы дошли до конца пятого дома, и там как раз открывался с седьмого дома вид на нас. Мы остановились, и тут началась стрельба с автомата. Мы шли вдвоем. Подруга моя из первого же дома, как и я, по Южному микрорайону.

Им можно просто было поверху пострелять, и мы бы уже испугались. Ну, две тетki, что ж. А они начали нам по ногам стрелять. Подруга побежала под дом, и там эти осколки начали летать, и ногу ей пулей ранило. Мы вот тут быстренько, кровь же бежит, быстро. Тут у нас медсестра в этом жила в подвале, мы к ней. А украинский снайпер у нас убил мальчика Марка. 30 лет было мальчику. Ждал Россию. Мы говорили: «Марк, поберегись, поберегись, рано выбегать». Жалко мальчика. А другого мужчину ранили, там ногу ему разбило. Тоже, наверное, где-то в тот день, как и нас, в конце декабря 24-го. По нему украинцы стреляли возле пятого дома. Российских войск там и близко не было ещё нигде».

19 **Маргарита Викторовна Бурлака (61 год),**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Засели в 12-м доме украинские военные. Они отходили, и получилось, что им некуда деваться было, они зашли в подвал. И они сидели в подвале.

Это улица Щорса или Солнечная. Щорса, 12. Я слышала крик, женский крик, очень страшный крик. И увидела, как женщина стоит и кричит. Она туда кричала, именно в этот подвал. Я сразу не поняла, в чем дело.

Послышался выстрел, но женщина продолжала кричать: убили, убили, убили. Она упала и дальше кричать начала.

Это страшно было. Я не могла понять, в чем дело. А потом я отошла от окна с испуга. Слышно было еще выстрелы. Когда я подошла, женщина упала.

Я все из окошка видела. У меня есть бинокль. Я смотрела в бинокль. Она кричала в сторону подвала. Украинцы сразу выстрелили, ей попали сразу в руку, но она упала и встала. Я отошла от окна, сразу не понять было, а потом опять подошла, и выстрел четвертый в нее, и она упала».

20 **Наталья Викторовна Шелехова,**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в селе Черкасское Поречное (Курская область)

«6 августа мы решили вместе с мужем выехать. Спереди сидел муж, сзади сидели две дочки моих, зять и внучка маленькая на руках у дочки. Внучке два годика.

Когда мы ехали, не доезжая села за мостом, нас атаковал украинский дрон. Он скидывал бомбы по моей машине. Я почувствовала, что ранена в бок. Колесо заднее было пробито. Мне задело печень, потом мне делали операцию. Когда мы приехали в село, мне оказали медицинскую помощь, а потом уже операцию».

21 **Дмитрий Валерьевич Дорошенко,**
военнопленный, военнослужащий 56-й отдельной
мотопехотной бригады вооруженных сил Украины

«Про “Азов” можно много нехорошего сказать. Я знаю много произвола с их стороны еще с 2014–2015 годов. Это было на слуху у всех. Могли взять девочек, которые стоят на остановке на пару часов и изнасиловать. Конечно, за это они не несли ответственность. Это реальная история, так как там находились наши соседи.

Это было все. Это вызвало и непосредственно общественный резонанс и судебные разбирательства, но никто как всегда не понес ответственности».

22 **Нина Дмитриевна Бондарева (68 лет),**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Суджа (Курская область)

«Воду мы ходили брать на улицу Забродок, там мужчина прямо плакал. Которые первые приехали украинские военные, у него жену забрали, в машину кинули, а потом привезли. Ее насиловали, и она умерла потом. У нас много было украинцами расстрелянных людей. Их дроны сбрасывали на дома гранаты, и расстреливали дома, и поджигали.

Хохлы просто пришли там, полазили, походили, подожгли все и ушли. Мы выехать вообще не могли, они расстреливали машины».

23 Валерий Васильевич Шарунов,
пострадавший от преступлений киевского режима
в хуторе Никольский (Курская область)

«Я зашел в подвал и нашел мужчину и двух женщин. Уже мертвых. Деваться мне было некуда. Там и остался. Когда снова пришли украинские войска, и была украинская речь, я отозвался. На это получил автоматную очередь и две гранаты в подвал. Они ушли – думали, что я уже мертвый.

Потом в подвале было восемь человек. Остался я один. Видел я пять трупов, которые внутри. А еще двое – погибли они или живые, я точно не знаю.

Но, скорее всего, погибли. А до этого в другой дом прилетели два дрона. Там женщина жила и была ранена от украинского дрона. Он скинул заряд на нее. Потом она ходила на речку по воду. Там снова и получила гранату с дрона».

24 Александр Владимирович Филипских,
свидетель преступлений киевского режима
в городе Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Одна женщина говорит, я с подругой шла, под 70 или, может, даже за 70 женщины. И украинский военный, хлоп, ее соседке в руку выстрелил.

Она ему говорит, что ж ты делаешь? Мы же, говорит, женщины старые, мирные. А он смеется.

Или может он обкуренный, или обколотый, кто его знает? А может, как говорится, маньяк, ему нравится убивать. И таких случаев много было».

25 Илья Владимирович Доронин,
пострадавший от преступлений киевского режима
в городе Дзержинск/Торецк
(Донецкая Народная Республика)

«Украинские солдаты расстреливали целыми семьями. Подруга моей знакомой погибла там. Ей не было 40 лет. Где-то в сентябре 2023 года. Украинцы много расстреляли. Говорили, что ВСУ в окна закидывали гранаты в подвале и в дымоходы подвалов.

А потом в сами подвалы заходили и расстреливали. Больше это делали из бригады “Лють”. Получается, украинские полицейские, жестокие».

26 **Светлана Ивановна Богатырева,**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь
(Донецкая Народная Республика)

«С 2 марта по 6 апреля 2022 года после ранения я лежала в больнице Мариуполя. Рядом с больницей расположена поликлиника № 4. Так как поликлиника есть поликлиника, то в больнице лежат больные, а их приходят проводить родные. Не всем родным посчастливилось уйти от своих раненых, потому что снайперы работали. Они стреляли. В этом районе находились украинские войска. Мал человек или велик, им было все равно. Даже интерес был больше к детям. Сначала в ребенка попали, потом попали в маму, а потом в папу. Второй семье больше повезло, они успели убежать. Чтобы дойти до поликлиники, нужно было пройти трамвайные пути, но некоторые не смогли пройти это расстояние, потому что работали снайперы».

27 **Сергей Геннадиевич Боечко,**
свидетель преступлений киевского режим
в городе Селидово
(Донецкая Народная Республика)

«Соседи увидели, что убита наша соседка. Лежала возле магазина “Колорит”. В радиусе ста метров от квартиры брата я видел восемь погибших человек. Валю – соседку с первого подъезда – я похоронил между домом и магазином. Варвара Садчикова, жительница дома с первого подъезда, была убита вот в десяти метрах отсюда. Я ее похоронил 30 числа. Она гуляла, любила собак. У нее были собаки. Она гуляла и была убита 22 числа».

28 **Татьяна Евгеньевна Тишкова,**
свидетель преступлений киевского режима
в городе Дзержинск/Торецк
(Донецкая Народная Республика)

«Соседку застрелили. Наташу. Они пошли за водой, а украинские военные прятались в другом доме и застрелили. Ее застрелили сразу в сердце, Наташу. Дядю Игоря ранили в ногу, поперебили кость ему, он потом умер. А одна, третья женщина, осталась живая. Это произошло на Забалке. Примерно месяц ноябрь. Дед Женя, сосед, тоже пошёл за водой – его сильно ранило с автомата».

29 **Ольга Анатольевна Селецкая,**
жертва украинских пыток в аэропорту
города Мариуполь
(Донецкая Народная Республика)

«У меня был мешок на голове, сейчас даже вспомнить сложно, но вот то, что где зал самого терминала, я так подразумеваю, судя по эхо, скорей всего, там меня, наверное, и пытали. Там меня украинцы душили и топили в емкости с водой. Я помню, что меня усадили на стул и задавали вопросы, и когда я отказалась отвечать, мешок, который у меня был полиэтиленовый большой черный на голове и скотчем перемотанный вокруг глаз, вот эти, что свисали, концы, меня

этим пакетом душили, не давали доступ воздуха.

Я потеряла сознание. Потом меня они приводили в чувство, по щекам били, чтоб я пришла в себя. Помню, что еще была большая металлическая бочка, меня два человека туда головой опускали. Пытали “Мясник” и “Доктор”, эти позывные я запомнила хорошо. Это я точно запомнила, хорошо врезалось в память».

30 **Анатолий Васильевич Харченко,**
пострадавший от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь
(Донецкая Народная Республика)

«Это было 25 марта 2022 года. Мы пошли забирать лекарства из квартиры. Дошли до пересечения проспекта Победы и 130-й Таганрогской дивизии. Увидели, что дом, верхние этажи дома разрушены. Дом весь сгорел. Мы развернулись идти назад, в бомбоубежище.

Прозвучало два выстрела сзади, со стороны украинских позиций. Сначала моей матери – Харченко Надежде Леонидовне, 75 лет, в спину выстрелили. Потом, когда я пытался ее поднять, мне в спину выстрелили. По касательной прошла пуля».

31 **Юлия Викторовна Яйно,**
свидетель преступлений киевского режима
в городе Мариуполь
(Донецкая Народная Республика)

«Украинцы из “Азова” похищали девушек, насиловали, издевались всячески над ними в извращенной форме. Женщинам монтажную пену вводили во внутренние органы. Это не люди – звери».

32 **Флорида Закировна Трошина (73 года),**
очевидец преступлений киевского режима
в городе Авдеевка (Донецкая Народная Республика)

«Такая хорошая была девочка. Счастье моё. У меня такой уже не будет никогда в жизни. Они пошли звонить внучечке. Обратно поехали, и ее задело, вот этот украинский снайпер. Костя – это сын мой – думал, что у нее давление. Юлия еще живая была, он за мной прибежал, и мы на тележке ее привезли домой. Она еще живая была. Пуля попала ей в правую сторону спины. Наверное, печень у нее разорвало, потому что крови очень много было. Сволочь украинская стреляла. Она так мучилась. Она сидя умерла. И мы ее потом уже положили на диван. Целую ночь провозились, и смотрим, она уже не дышит».

33 **Луиза Томазиевна Тодуа-Хилтон,**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«Украинские солдаты подперли – закрыли двери наши. Потом они подожгли дом и подожгли подвал, в котором они нас подперли. Закрыли двери и заблокировали нас в горящем доме и в горящем подвале. Они просто забаррикадировали нас.

Люди с соседних домов слышали нас. Соседи из соседнего подвала увидели, что мы горим стали кричать. Окна начали лопаться. Там трупы лежали внизу. Мы бежали уже как могли. Это был полный кромешный ад. Как можно так истреблять украинцам своих же людей? За что? Я не понимаю».

34 **Валентина Ивановна Золотарева (71 год),**
свидетель преступлений киевского режима
в селе Заолешенка (Курская область)

«Моих знакомых, женщину с мужем, зашли украинцы и убили. У нее дом рядом с сельским советом Заолешенка, она работала в сельском совете.

Они остались там, не смогли выехать, и их убили. Ей было около 80 лет. И ему так же. Просто расстреляли.

А в соседнем селе приехал сын до матери. Зашли хохлы и их с матерью убили. И мать, и его убили.

Мать моложе меня – 55 лет, где-то так. Пришел в отпуск человек, и его убили».

35

Наталья Владимировна Чурилова,
свидетель преступлений киевского режима
в городе Дзержинск/Торецк (Донецкая Народная Республика)

«Украинские солдаты расстреливали мирных. На моей улице лежали в подвале трое убитых, их прямо в лоб застрелили.

Это было в городе Дзержинске на улице Комарова. С края города много поубивали.

Женщину убили. Один у нас там был хлопчик, пошел туда и рассказывает: «Вера лежит убитая, бабушка убитая, Лариса убитая».

Где-то с 11-14 сентября это началось на наших улицах, там убили украинцы, там застрелили, там застрелили. То есть много людей получается, наших знакомых где-то человек четырнадцать-пятнадцать убили.

А остальных сколько еще? Это ж не только на нашем месте, везде это происходило.

У нас там парень продукты возил, говорит, женщина со второго этажа спрыгнула, тикайте, говорит, расстреливают».

36

Дмитрий Николаевич Будук,
свидетель преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«Это какое-то сумасшествие, это был сон, когда украинские “Азовцы” заехали к нам в город в 2014–2015 году.

У меня мама в 9-й больнице, где аэропорт. Она рассказывает, как “Азовцы” над девушками издевались, их привозили в больницу, где их лечили – у них половые органы были разорваны. Много изнасилованных было с аэропорта, это все знают. У них это “библиотека” называлось. Много случаев было.

Знакомые живут возле базы “Азова”, у них есть дом, слышали по ночам, как издевались над людьми, все знают, слышали. Весь город все знает, и никто не наказан. А кому говорить? Некому, если их оправдывало украинское государство. Если украинская милиция их даже боится, то не о чем говорить.

За 8 лет я не видел, чтоб хоть одного “Азовца” наказали, ни одного. Сколько было избиений и убийств от них, ни одного не наказали. Их украинское государство всегда оправдывало. Был один случай у нас на площади, когда парня зарезал один “Азовец”. Осудили его, но сразу взяли на поруки, не понес ответственности никакой. Сказали, что он украинский герой».

37

Светлана Владимировна Рева,
очевидец преступлений киевского режима
в городе Артёмовск (Донецкая Народная Республика)

«В училище 53-м жили люди, они там для себя сделали подвал еще в довоенные времена. Там были семьи с детками, вот они сделали все для себя, чтобы было там хорошо. Приехали украинские военные, посмотрели все это дело и сказали, что они заберут детей, если вы за три дня отсюда не уберетесь. Много забирали детей и увозили на Украину. Много, говорят, из Часова Яра детей забрали.

А по нам украинский снайпер стрелял. У нас на девятиэтажке стоял снайпер, когда люди в магазин шли, то он им в спину, и все. С посадки стрелял автомат, а с девятиэтажки – снайпер. Причем даже ночью, потому что ночью видно в тепловизор. Когда у нас дом горел, я только посмотрела и буквально, как только начала открывать дверь, услышала, как снайпер ВСУ выстрелил в то место, где я стояла до этого.

Им все равно, кто открывает дверь. ВСУ прекрасно знали, что здесь нет военных, здесь только живут люди, причем два ребенка. Семь месяцев и девять лет. Они прекрасно знали, что живут люди, потому что я на воротах написала огромными буквами “Живут люди”.

Летит квадрокоптер, завис над двором, и видно, что женщина в халате. Я еще стала, смотрю и думаю, что дальше. Только я прохожу немного дальше пошли прилеты по двору. Это было начало февраля. Нас украинцы обстреливали».

38

Владимир Леонидович Поляков (72 года),
свидетель преступлений киевского режима
в городе Артёмовск (Донецкая Народная Республика)

«Первым пошел внуки муж, а за ним правнучек Данька, 8 лет ему, и внучка с малышом на руках. 7 месяцев Святославу, тоже мой правнучек. Украинцы из пулемета нас накрыли. С поселка мы как на ладони, через водоем еще украинский снайпер бил.

Внучке по волосам пуля прошла. Только часов в 10 вечера по темному снова выходили, когда эти украинские твари немного успокоились.

Украинские военные взорвали плотину, все, что могли, они взорвали. Ничего живого после них не остается. По подвалам ходили, гранаты кидали. Потому что мы, как они называли, “ждуны”, которые ждут Россию. Вот так они обращались с нами. Как фашисты. Они знали, что там люди, и кидали туда гранаты и по людям стреляли».

39

**Валентина Евгеньевна Васильконова (62 года),
очевидец преступлений киевского режима
в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)**

«ВСУ отходили 21 октября. Мы стояли возле подъезда, а они начали стрелять. Мы слышим украинский говор: «Иди сюда, иди сюда». Мы бегом разбежались по подъездам. Мне прострелили дверь входную. Я забежала быстренько, а украинский военный кричит: «Она вон туда побежала». И они прострелили мне дверь, у меня вон до сих пор дырка.

Постреляли они и напротив, в 12-м доме. Мы позабежали, а напротив в 12-м доме стояли люди. Закрыли подъезд. ВСУ говорят, открывайте, открывайте, вам ничего не будет. Тетя Валя открыла, и их, четырех человек, застрелили. Они ничего не сделали. Лена просто сидела на диване. Они ее застрелили. Застрелили сына, спрашивали, что это он не воюет? Сашу застрелили. Тетя Валя начала кричать, и ее застрелили. Лена говорит, что же вы делаете? А один ВСУшник говорит: «А что з

нею рабыть?» А второй говорит: «Да пристрели ее». И они ее пристрелили.

Женщина шла с сумкой. ВСУшник ее пристрелил. Раз, второй раз, третий раз стрелял. Саша рассказывал, сосед мой. Три раза ВСУшник стрельнул в нее. Сначала она начала шевелиться. А украинский военный: «А, ты ща шевелись?» И дальше выстрелил. “Ждуны, ждуны, ждуны”. Вот это только слышно было от них.

Рядом дом по улице женщина котом кормила. 75 лет тете Лене было, они ее пристрелили. А Кирилловна, учительница по украинскому была, она бежала, убежала в подъезд, ВСУшник ее догнал и застрелил. 75-ти лет женщина кормила котом, зачем ты ее застрелил?»

40

**Нина Александровна Ручкина (74 года),
свидетель преступлений киевского режима
в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)**

«Разрушили наш город. Например, дома по улице Карла Маркса. Номер два – девятиэтажка. У нас тут ВСУ девятиэтажки поразбивали. 19 октября.

Они убегали, и забежали они в 19-й дом наш. Убили там несколько людей. Люди были дома и ВСУ убили детей – 4 годика и 2 годика. И взрослых убили. Что двухлетняя сделала для того, что ты ее убил? Зачем это было делать? Микрорайон Солнечный, дом 19 (ул. Щорса, 19). Мальчика и девочку убили. Девочке 2 годика, а мальчику 4 годика. Мы слышали крик, зашли в коридор и закрылись. Мы испугались, когда люди начали кричать. Трупы у нас валялись по нашей аллейке.

Это украинцы убили. Они убегали, видимо Россия начала их давить, и они убежать начали. И они вот это сделали».

41

Людмила Александровна Сысоева,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«В апреле 2022 года мы с мужем уже домой шли от техникума. Ну, сколько тут пройти от этого техникума. Одни мы шли. И пошел снайпер стрелять по нам. Конкретно по нам стрелял украинский снайпер. Меня сразу обожгло, и рука онемела. Пальцы у меня до сих пор не работают. Пол-ладони работает, пол-ладони нет. Я еще мужу говорю: “Эдик, меня, наверное, подстрелили”. Он: “Аааа?” – и нагнулся. Если б он не нагнулся, его бы убило. Потому что он как раз ко мне нагнулся, а он в него стрельнул, вот и получилось, что ему располосовало спину. Прошло по касательной, располосовало полностью спину. Ну, мы легли, упали. Ошибка снайпера, я думаю, в том, что он думал, что нас убил. Потому что мы с ним лежим на земле, он говорит: “Люда, шо будем делать? Там дети”. Я говорю: “Побежали”. И мы немножко полежали и

подымаемся, и бежать. А он (снайпер), видно, уже отвлекся от нас. И когда он увидел, что мы бежим, он (снайпер) опять давай по нам стрелять. Мы спрятались за контейнеры. И вот это перебежками, перебежками мы до домов добежали, а там кушать варили люди.

И они, как мы прибежали, на нас смотрят и говорят: “Боже, вы целые. Мы думали, что вы не выживете, – говорят. – А там мужчина?” А мужчина, оказывается, еще за нами бежал, он уже не поднялся, его, наверное, убили. Люди, которые готовили, говорят: “Сядьте посидите”. Вот, я села, у меня кровь с рукава течет, течет с руки кровь. У мужа вся спина в крови. Сразу перекрыли кровь, чтобы остановить кровь, жгут наложили. Мужу наживую соседи зашивали леской спину, чтоб мясо собрать...

Где “Жигули”, это был магазин мебельный, вот там говорили, выгнали людей в подвал. Они были в доме, эти украинские военные, и дите заплакало в подвале, и он говорит: “Да что это такое, как ты мне надоел!” Берет гранату, кидает эту гранату в подвал... там сколько смертей было. Так весь Мариуполь гудел за это».

42

Иван Валериевич Биденко,
свидетель преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«Смертность была большая на улицах Нахимова 158, 160. Снайпера сидели на верхних этажах, когда уходили – подожгли.

Люди начали вылазить с подвалов и тушить. Девушка с парнем первые тушили, и их украинцы застрелили.

Вот так. Мы слышали отсюда их крики. Они начали стрелять, когда начали люди тушить дома».

43

Анна Леонидовна Нижнековская,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь (Донецкая Народная Республика)

«У моей подруги во дворе был колодец, и она разрешала людям приходить и набирать воду. Как только об этом узнали украинцы, то они навели своего снайпера.

Этот снайпер отстреливал людей, стрелял прям по ногам. На пяточке, возле Приморского, там все частный сектор. Они там сидели с 24-го числа до 15 марта.

Отец приехал и забрал нас к себе на пяточок: магазин “Приморье”, Ушакова, 1, и пересечение нескольких улиц: переулок Федорова, Краснофлотская, Латышева и Ушакова. Магазин стоит на пяточке.

Туда подъехала машина, и они привезли туда хлеб, детское питание, подгузники. Мы подошли, а водитель сказал, что хлебом все завалено, мамочки, стойте, сейчас хлеб раздадим и вам все быстро дадим.

Там стояла девушка с девочкой 8 месяцев. Мамаш много стояло. Я своего ребенка оставила с дедушкой в подвале. Стояли я и мой муж, хлеб нам был не нужен, а ждали детское питание.

Подошли украинские военные с нашивками и синими повязками и начали в грубой форме отталкивать нас, употребляли ненормативную лексику, говорили, что будут стрелять, если мы не разойдемся, и сказали о том, что “гоните нам ящик хлеба”. На что водитель сказал, что “это хлеб людям”.

Они начали некультурно выражаться, но люди их оттолкнули, потом отошли метров на 100–150. Мы с девочкой покурили и слышали, как в рации у одного было, что на пяточке стоит синяя машина и ее под обстрел.

Буквально, я только бросила сигарету, и они побежали. Я побежала к машине, чтобы людей предупредить, но тут начался мощнейший обстрел. Нас начали обстреливать. Вот этот мужик, который был на синем автобусе, он сразу закрыл машину и уехал. Нас обстреливали где-то полчаса.

Там был контейнер, мы туда побежали с женщиной, у которой 8-месячный ребенок. Увидела возле колес маленькую 10-летнюю девочку, я ее схватила. Мы как две квочки закрыли детей.

Получилось так, что мы пострадали. У нее задняя часть, у меня тоже от шеи до пяток, все это в мелких осколках. Муж мне целую неделю пинцетом вынимал, потому что медпомощи никакой не было. 19 апреля, уже когда военные ДНР пришли, мы смогли пойти в больницу. Мне сделали операцию, в итоге мне сделали три операции, а также защемление седалищного нерва. Я два месяца ходила с палочкой. Потом мне сказали, что, когда все нормализуется, меня нужно будет отвезти в Донецк. Почему я уверена, что это была украинская армия, потому что там не было никого. Ребята из ДНР к нам еще не зашли. Обстреливала людей только украинская армия. Они могли расстреливать людей только потому, что они им не понравились».

44 Людмила Михайловна Врадий (67 лет),
свидетель преступлений киевского режима
в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Вечер, шла соседка моя с 48-й квартиры до своих друзей, так как разрушился дом, она там жила у них. И ее украинские военные застрелили во дворе 10-го, Щорса, дома. И она лежала там, и ее собаки сгрызли. 22 вечером.

В 19-м доме (ул. Щорса) многих постреляли украинские военные. Кто им открывал, они расстреливали.

Там одна знакомая шла домой на 4-й этаж, и её на 3-м этаже застрелили, поднялись, и ещё там соседку застрелили, Лену. Я фамилии их не знаю.

На 3-м застрелили Галю, а на 5-м Лену. Им было после 60-ти, пенсионерки.

Безобидные женщины, хорошие, нормальные, никому вреда не делали.

И вот она бежала домой и буквально не добежала один этаж. Люди видели это. Её застрелили украинцы. Которые не открыли им, забаррикадировались, и остались живы. Они видели, что это украинские военные убили».

45 Людмила Григорьевна Форшенева,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Донецк (Донецкая Народная Республика)

«Были обстрелы кассетные со стороны Украины. Потом эти мины были по всем огородам. Я вышла в город, пять шагов прошла – и взрыв. Наступила на украинскую мину «Лепесток». Прибежали мужчины, соседка позвонила дочке, зять приехал. Забрали в госпиталь. Тут мне ампутацию ноги сделали».

46

Оксана Олеговна Шульгина,
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Женщина в девятиэтажке, ей больше 70 лет, пошла квартиру проведать. 25 или 26 числа октября. И ее просто расстреляли.

Нашли ее на диване расстрелянной, мертвой. Ее украинские военные расстреляли.

Мою маму просто убили прикладом в челюсть. Она приходила 25 октября к нам, домой приносила воду, потому что у нас не было колонки, воды не было питьевой, а у мамы был колодец.

Она приносила нам воду, чтобы мы не остались без воды. 25-го последний раз я ее видела. Потом начались обстрелы, очень опасно было. Когда она шла, опасно, я еще ей говорю: «Не приходи хотя бы недельку-две». А маму убили прикладом в челюсть. Да, просто прикладом ударили, и всё. Синяк там был.

Я подошла, она как живая лежит, у неё пальцы на руках посиневшие. Я повернула её, на левом подбородке, на челюсти, были синяки от приклада. Убили ее у себя дома, город Селидово, улица Береговая, 245. Лежала во дворе, подпирая калитку ногами».

47

Осипова Инна Павловна,
пострадавшие от преступлений киевского режима
в городе Макеевка (Донецкая Народная Республика)

«Это 15 марта 2022 года случилось, мы все были дома. Вечером, было уже поздно, собирались спать ложиться, я в кухне была с младшей девочкой, средняя Софийка была в своей комнате, за компьютером сидела. Мы услышали оглушительный взрыв, и нас накрыло лавиной осколков. Текла кровь, я кинулась к дочери, она была вся покрыта слоем битого стекла в осколках. Струсилась стекла, я спрашиваю: “Ксюша, Ксюша, что с тобой?!” Она говорит, что нормально. Но у нее течет кровь, рассечена бровь, посечено лицо, и самое страшное, я увидела, что у нее глазик изменился. Он какой-то не такой стал, ненормальный. У меня было не так сильно, я была в халате. У меня немножко рука и с этой стороны лицо. Потом выбежала София из своей комнаты. Она сильно кричала очень, напугана была, тоже в крови.

У Софии бедро рассечено. Бедро зашили, наложили швы, перевязочки делают. Лечится она. На лице немножко переносица и палец. Телефон мобильный ей тоже осколком разбило немного. Рамы вышибло и батареи я увидела тоже вывернутые, вырванные лежат на полу и журчит вода. Оторвало батареи и дверь вынесло, все, и окна. Окон не было вообще».

48 **Глинникова Надежда Григорьевна,**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в селе Николаево-Дарьино (Курская область)

«14 декабря украинский дрон “Баба Яга” сбрасывает по мне гранату и ранит меня в ногу. Был только один бинт. Что меня спасло? У меня была присыпка.

Я держала хозяйство, для птиц и поросят была присыпка. И вот этой присыпкой стал мне Антон обрабатывать ногу, сыпать. Но когда украинской гранатой мне разорвало мясо, то я понимала, что надо это все обрезать. Он взял ножницы и ими стали резать. Он все это мое мясо, шкуру, все обрезал ножиком».

49 **Сухина Любовь Владимировна,**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Рубежное
(Донецкая Народная Республика)

«ВСУшники или Нацгвардия стреляли из автоматов по домам, по заборам и окнам.

Когда я бежала с озера и несла воду, потому что жили без воды и света, тогда в меня выстрелили из автомата и попали. У меня ранение головы и руки.

Тогда еще в нашем районе не было никаких других войск, кроме украинских. ВСУ сказали, что люди не нужны и будут все уничтожать».

50 **Быкова Ирина Степановна,**
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Мариуполь
(Донецкая Народная Республика)

«Когда мы переходили улицу, там, где были украинские военные, нам надо было перейти улицу. Украина стала нас обстреливать, целенаправленно стреляла по нам.

Стреляли из автоматов Калашникова, мы упали на землю, лежали. Когда все вроде бы стало тихо, мы поднялись, и стали бить минометы...

ДНР стали сильно стрелять в их сторону, и ребята крикнули бежать к ним, они нас прикрыли».

51

Владимир Николаевич Погорелов,
пострадавший от преступлений киевского режима
из города Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Российских войск ещё не было. Российские войска зашли в четверг, где-то в два часа. Во вторник ВСУ зашли в 19-й дом, перед моим домом, в 17-й перед 19-м. Они ходили, выбивали двери и всех, кого находили, расстреливали. Кто открывал двери, стреляли сразу в голову.

Бабушка, 80 лет, учительница, всю жизнь проработала. Прямо в голову застрелена. Там всех постреляли в голову. В этом доме в живых осталось трое. Одни не успели открыть, а другой забаррикадировался и слышал французскую и украинскую речь. Француз что-то обратился, а украинец говорит: «У нас уже нет времени ломать двери. Мы уже их зачистили». Бросили, не стали доламывать двери. В общем, он так живой остался. У них времени уже не было на зачистку, а они уже зачистили дом, всех постреляли. Тут у нас, в среду, по

нашему двору идёт и с грузинским акцентом кричит: «Есть кто живой, есть кто живой?». Доходит до моего подъезда. Я уже хотел открыть, откликнуться, когда он начал кричать матом. Я собрал собрание по подъезду, у нас шесть человек в подъезде. Как быть, открывать или нет? Все говорят, он матерится, открывать не будем. Подождем, подождем вежливых. Это было в среду, то бишь он целенаправленно искал, кого убить из мирных жителей. В одном доме семью вывели, пять человек с ребёнком, вывели, в огороде и расстреляли. Прямо в огород вывели и расстреляли целую семью. Украинские военные».

52

Татьяна Михайловна Мелихова (62 года),
пострадавшая от преступлений киевского режима
в городе Суджа (Курская область)

«В меня тоже снайпер стрелял. Я шла к подруге, я не знала, что она уже уехала.

В этот день украинцы много стреляли в людей. Я заборами шла, дорогу смотрю. Машина украинская проехала вперед – я к заборам.

Пошла дальше, поворот уже завернула, вышла на асфальт, и они начали стрелять в меня. Я слышала стрельбу. А потом возле меня, возле плеча правого, как прошла пуля, прямо возле меня.

Однажды женщина ехала в машине, с ней машину украинцы расстреляли. Мужа убили.

Ехали по трассе к Казачьей Локне. Женщина жива осталась, палец, фаланга, до одной шкурки болтался, прострелили плечо, руку. В крови еще была. Всех украинцы убивали».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ